

УДК 392.51(=161.1)
ББК 82.3(4Рос)

О СЛУЧАЯХ И МЕХАНИЗМАХ ЖАНРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИГОВОРОВ ДЕВУШЕК «НА СВАДЕБНОЕ ДЕРЕВЦЕ»)

ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА КРАШЕНИННИКОВА

(Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН;
Российская Федерация, 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

***Аннотация.** Наблюдения над свадебными приговорами позволяют говорить о довольно активном усвоении ими в процессе своего развития и развития обряда поэтического инвентаря, структурно-стилистического репертуара, принадлежащих другим фольклорным жанрам и литературным произведениям. Сравнительное сопоставление текстов свадебных приговоров с широким кругом жанров (не только свадебного обряда) демонстрирует использование одних и тех же мотивов при сохранении семантики и в ряде случаев вербальной манифестации, включение фрагментов фольклорных и литературных произведений в речи свадебных чинов, употребление одинакового поэтического инвентаря — типичных элементов языка и стиля, специфических языковых конструкций и пр. В статье автор на широком контекстном материале рассматривает приговоры на свадебное деревце, которые произносились девушками в доме невесты при выносе и выкупе «девией красоты». В качестве свадебного деревца, символизировавшего «девью волю» / «красоту», использовали елочку (вариант: березка, верхинка ели и др.), украшенную цветами, мишурой, конфетами, свечами, лоскутами ткани, бусами, с куклой на вершине. Эта жанровая разновидность свадебных приговоров имеет ограниченную территорию распространения, основной корпус текстов фиксируется в ряде районов Нижегородской обл. (граничащих с Костромской), Сибири и др. Текстологический анализ этой группы текстов выявил активное использование ими стилистического репертуара приговоров дружек, свадебных причитаний и обрядовой лирики. Наблюдения над поэтикой приговоров девушек «на елочку» позволяют отметить некоторые механизмы усвоения и творческой переработки известных другим жанрам мотивов и стилистического репертуара, сделать предположения относительно причин межжанрового диалога.*

***Ключевые слова:** говорные жанры свадьбы, приговоры девушек «на свадебное деревце», причитание, обрядовая лирика, межжанровый диалог.*

В свадебном обряде наиболее важные темы многократно «проговариваются» участниками ритуала в различных жанрах. В частности, анализ севернорусских свадебных причитаний и песен позволил

говорить о повторении одних и тех же сюжетных элементов, стереотипных формул в поэтических текстах этих жанров заонежской свадьбы [Кузнецова 1993, 142, 145]. Наблюдения над свадебными приго-

ворами показывают, что этот жанр в процессе своего развития и развития обряда был довольно активной «принимающей», «заимствующей» стороной, которая усваивала поэтический инвентарь, структурные модели, мотивный фонд многих фольклорных жанров и литературных произведений. При сравнительном сопоставлении текстов свадебных приговоров с широким кругом жанров (не только свадебного обряда) близость наблюдается на разных уровнях: в использовании одних и тех же мотивов при сохранении семантики и в ряде случаев вербальной манифестации, включении фрагментов фольклорных жанров и литературных произведений в речи свадебных чинов, использовании одинакового поэтического инвентаря — типичных элементов языка и стиля (формулы, типизированные описания, стилистические обороты и пр.), описании образов, специфических языковых конструкций.

Собственно тексты приговоров (преимущественно дружки) содержат «отсылки» к рождественским обрядовым песням, обрядовой лирике, сказочной прозе, паремиям; интерпретируются предписания, благопожелания, запреты и другие подобные тексты; в приговорах обнаруживается характерный для заговорно-заклинательной поэзии поэтический инвентарь [Крашенинникова 2009], зафиксированы примеры включения духовных стихов в речи свадебных персонажей [Крашенинникова 2014]. На формирование жанра приговоров влияние оказала наивная и авторская литература (лубок, демократическая литература, авторские произведения) [Крашенинникова 2013].

Причины такой способности жанра к усвоению, использованию и творческой переработке фольклорных и литературных произведений мы уже обсуждали: в их числе подверженность жанра влиянию извне вследствие его индивидуального характера, аккумуляция дружкой функций других чинов по мере развития обряда и др. Текстологическая близость свадебных приговоров с причитаниями и обрядовой лирикой объясняются принадлежностью этих жанров

одному обрядовому комплексу: в них наиболее важные темы свадьбы многократно проговариваются участниками ритуала, и оба текста свадьбы¹ (мужской представлен в основном приговорами дружек, женский — причитаниями и песнями) должны быть «на одном языке» [Левинтон 1991, 213]. В перечисленных выше жанрах свадьбы обнаруживается общий фонд мотивов, формул, стилистических моделей, стереотипных описаний — фонд так называемых типовых элементов (термин Б. Н. Путилова [Путилов 2003, 166]), которые используются для создания статичных и динамичных «картин», ситуаций, характеристик свадебных персонажей; в разных текстах свадьбы они при близкой вербальной манифестации обладают множеством значений (как сходных, так и противоположных).

Настоящая работа является продолжением ранее сделанных наблюдений. Мы хотели бы уделить внимание текстологической близости приговоров, обрядовой лирики и причитаний.

В очерковой и исследовательской литературе, собственно поэтических текстах содержится довольно много указаний на тесную связь названных жанров. Во-первых, на уровне народной терминологии: оценочные высказывания корреспондентов XIX–XX вв. о свадебных приговорах, зафиксированные во множестве вариантов в публикациях, архивных и полевых материалах представляют собой мнение отдельного коллектива или индивида, которое складывалось внутри традиции. Будучи субъективны, интуитивны, сиюминутны, они тем не менее содержат информацию о довольно тесной близости обозначенных жанров².

Смысловая и формальная связь *причитание — приговор* закрепилась в таких народных дефинициях приговоров, как *причет*, а также его словообразовательных дериватах *причитывать*, *причитать* и сочетаниях *читать* (вар.: *говорить*) *причеты*. В опубликованных и архивных материалах, датированных XIX–XX вв., встречаются *причитания дружек* [Магницкий 1877, 155], *свадебные причеты* [РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 67. Л. 22об. Кировская обл., 1937 г.; Шейн

¹ О свадьбе как диалоге двух партий в структурно-семантическом аспекте [Левинтон 1991].

² Отсылаем к нашей работе, которая посвящена анализу корпуса народных дефиниций свадебных приговоров [Крашенинникова 2011].

1900, 669, 739]³. С другой стороны, в полевых материалах зафиксированы следующие названия причитаний: *говорилишные песни* [Никифорова 1997, 64], *приговоры* («Утром в день венца девушка становится и воет с приговорами») (Зап. от В. Г. Берестова, 1897 г.р. (урож. д. Рамклучи), д. Арья, Уренский р-н, Нижегородская обл. Соб. З. И. Власова. 1978 г.) [ИРЛИ РАН. Полевые дневники З. И. Власовой. Тетр. № 4. Л. 21об.]⁴.

Современные информанты лексемы *читать, начитывать, причитать* и *говорить* употребляют для характеристики манеры исполнения как приговоров, так и причитаний. Например, о приговорах: «<дружка> знал **“говорёшеньки”**, **говорил причётами**» [НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 742. Л. 122. Прилузский р-н, РК, 2004 г.], «<при дарении дружка> **причитает, поговарит**. <Причитал?> Ну, там как невеста жила, как дары насла...» [СыктГУ. 2219–21. Опаринский р-н, Кировская обл., 1992 г.], распространенный в северонижгородском ареале свадебный термин *причитать* в значении «произносить приговоры» [Нижегородская свадьба 1998, 23] *причитать причет* (о приговорах девушек на елочку) [РГАЛИ. Ф. 1455. Оп. 1. Д. 50. Л. 50. Костромская губ., 1925 г.]. С другой стороны, о причитаниях: «<крестная> *обнимает* <невесту> и *начитывает*, невеста что-то повторяет, что-то исправляет, кому-то спасибо говорит, и плачут. **Не плачут, а начитывают**: кому пасибо, кому чего. Она *читает, как бы плачет*» (Зап. от

П. П. Можеговой, 1926 г.р., д. Якутинская, Прилузский р-н, РК. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г.) [АА]. Подобная «синонимичность» указывает на близость в народном сознании этих двух жанров по способу исполнения: песенно-речитативная манера, свойственная причитаниям, и речитативная манера — у приговоров.

Текстуальная связь приговоров с причитаниями и обрядовой лирикой подтверждается наличием общего тематического и стилистического репертуара (некоторые продуктивные типовые описания, формулы, реализующиеся в названных жанрах, мы приводили в работе [Крашенинникова 2010]).

Выскажем некоторые соображения об одной из жанровых разновидностей — приговорах девушек на елочку, которая из всех свадебных приговоров, исполняемых девушками и имеющих локальное распространение (приговоры на зайчика, на глиняный пирог, на выход с конем, роспись приданого, свадебные указы), представляется нам наиболее интересной в связи с заявленной темой.

Произносились эти тексты девушками при выносе «девьей красоты» — небольшого по размеру деревца (березка, ель или верхушка ели), символизировавшего «девью волю». Деревце было украшено цветами, мишурой, конфетами, свечами, лоскутами ткани, бусами, иногда на вершинку привязывали куклу⁵, что нашло отражение в поэтических текстах.

³ Например: «Несколько **“причетов”** (здесь и в других цитатах в кавычках написано собирателем в полевом дневнике. — Ю. К.) *дружки она* (информант. — Ю. К.) *запомнила. Вот, например, когда невесту дарят, дружка говорит: “На тебе чулки да мыло, не коси рыло...”*» [Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 48. Т. 2. Л. 33. Кировская обл., 1990 г.], «*Когда дружка вошел в дом, он сразу начал “причеты”*. <...> *Некоторые из шуточек запомнились: “Шел дружка через порог. Упер глазки в потолок...”*» [Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 48. Т. 2. Л. 43. Кировская обл., 1990 г.], «**“Причеты”**» *дружки последний раз слышала после войны. Потом уже дружки не читали причеты...*» [Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 49. Т. 3. Л. 14. Кировская обл., 1990 г.], «*Дружка, обычно родственник жениха, знает причеты. Вообще-то все парни знали причеты. Информатор помнит только “Едет свадьба на вашем поле на ваших конях...”*» [Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 49. Т. 3. Л. 44об. Кировская обл., 1990 г.].

⁴ Благодарю проф. А. Н. Власова за возможность ознакомления с полевыми дневниками сотрудников сектора фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Зои Ивановны Власовой.

⁵ Украшали «разноцветными бантиками, тряпочками, цветными бумажками» [РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 145. Л. 5. Ярославская губ., 1915 г.], «...бумажками, снятыми с конфетов, <...> разноцветными шелковыми лентами и прилепляют восковые свечи, которые загорают во время сговоров» [РО РНБ. Ф. 775. № 4603. Л. 155; Ярославская губ., 1883 г.], «...елочка, березка или вообще какое-нибудь деревцо, украшенное лентами, обрезками ситцевых и шерстяных материй, бусами, зажженными свечами. На самой вершине елочки или березки привязывается кукла, которая изображает собою девицу, а наряд елки означает ее красоту и потому елка носит название “девья красота”» [ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 78. Костромская губ., до 1903 г.].

По поводу того, во время какого ритуального акта произносились эти приговоры, в материалах фиксируется несколько версий: на девичнике [Архив ГЛМ. Ф. 23. Д. 29. Л. 17. Костромская губ., 1912 г.; Андроников 1905, 39], в день стовора [ГАКО. Ф. 179. Оп. 3. Д. 24. Л. 13об. Костромская губ., 1903 г.; Виноградов 1917, 91]⁶, перед выходом к венцу [ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 74. Л. 65об. Костромская губ., нач. XX в.], по приезде молодых из церкви на свадебном пиру [РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 68. Л. 45. Костромская губ., 1916 г.; Архив КГУ⁷. Парфентьевский р-н, КО, 1979 г., Галичский р-н, 1987 г., Нейский р-н, 1985 г. и др.]. Последняя версия довольно часто фиксируется в материалах, датированных 1970–1990-ми гг.

Основной корпус текстов зафиксирован в различных районах Костромского края с конца XIX в. до начала XXI в.⁸ Четыре записи сделано на территории Нижегородской обл. в районах, граничащих с Костромской территорией (Чкаловский р-н, 1976, 1978 гг., Городецкий р-н, 1978 г., Ковернинский р-н, 1976 г.) [Нижегородская свадьба 1998, 172–175, № 220–223], три текста — в разных районах Сибири (Бейский р-н Хакасии, зап. 1970 г.; Пий-Хемский р-н Тувы, зап. 1985 г.; Доволенский р-н Новосибирской обл., нач. 1970-х гг.) [Свадебная поэзия Сибири 2002, 128,

129, № 82; 216, 217, № 193; 408, 409], один текст — в Карпогорском р-не Северного края (1916 г.?) [РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 12. П. 4. № 19. Л. 4об. — 5]⁹.

Названия текстов, обнаруженные нами в экспедиционных записях, свидетельствуют об их неоднозначной жанровой природе. Наряду с довольно устойчивым обозначением *приговор* (вар.: *наговор*), зафиксированы такие, как *причитание* [Архив КГУ. Сусанинский р-н, КО, 1979 г., Вохомский р-н, КО, 1978 г.], *свадебная песня* [Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 41 об. Кологривский р-н, КО, 1994 г.; Архив КГУ. Антроповский р-н, КО, 1979 г.], *слово девушкишек* [Архив КГУ. Островский р-н КО, 1972 г.], *сговорка «Елка»* [Архив КГУ. КО, данные не указаны].

Многовариантно характеризуются и особенности исполнения текстов: *наговаривать* [ГАКО. Ф. 179. Оп. 3. Д. 24. Л. 16об. Костромская губ., 1903 г.]; вар.: *приговаривать* [Архив КГУ. Островский р-н, КО, 2008 г.], соответственно персонаж, произносящий текст, — *наговорщица* [ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 74. Л. 66. Костромская губ., 1903 г.], «[подруга] *приговаривает громко и отчетливо, протяжно*» [Архив КГУ. Кологривский р-н, КО, год записи не указан], «*свадебный наговор <...> читают или поют*» [Архив КГУ. КО, год записи не указан],

⁶ В одной из рукописей из Костромского у. Костромской губ. зафиксировано, что девичник — «это и есть сговорки» [ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 78].

⁷ В настоящей работе используется довольно много рукописных материалов, хранящихся в архиве фольклорно-краеведческой лаборатории Костромского государственного университета им Н. А. Некрасова. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить заведующую лабораторией Н. М. Сергееву и проф. КГУ Н. С. Ганцовскую за оказанную помощь при ознакомлении с фондами лаборатории; отмечу роль канд. филол. наук А. В. Тороповой, организовавшей сбор и камеральную обработку фольклорно-этнографических материалов. В архиве рукописные записи сопровождаются паспортными данными разной степени полноты, в связи с чем для единообразия и унификации информации к кратким данным будем указывать только район и год записи. К цитатам из интервью и поэтических текстов дается по возможности полный паспорт.

⁸ По публикациям и архивным материалам мы можем говорить о записях, сделанных примерно с конца XIX в. до настоящего времени в более чем 15 районах Костромской области (в частности, Антроповский р-н, Буйский у., Галичский у., Кадыйский у., Кинешемский у., Кологривский у., Костромской у., Красносельский р-н, Макарьевский р-н, Мантуровский р-н, Нейский р-н, Островский р-н, Парфентьевский у., Сусанинский р-н, Солигаличский р-н).

⁹ Упоминания о фигурирующем в обряде украшенном свадебном деревце (елочке, березке) и его описания, кроме костромской территории, встречаются также в материалах, записанных в Ярославской [Мыльникова, Цинциус 1928, 116; Архив РАН. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 548. Л. 13; РО РНБ. Ф. 775. № 2050. Л. 10об.; Ф. 755. № 4603. Л. 155; Ярославские зарницы 1910, 3], Тверской [Мыльникова, Цинциус 1928, 106], Псковской [Орехов 1913, 308] губ., Вологодской [Архив ВГИАХМЗ. Ф. 155. Оп. 10. Ед. хр. 8. Л. 1], Новгородской [РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 241. П. 5. Л. 4], Рязанской обл. [Самоделова 2009]. См. также работы, в которых анализируются обряды со свадебным деревцем и обозначена территория их распространения [Гвоздиков, Шаповалова 1982; Колесницкая, Телегина 1977].

«вести наговор» [Архив КГУ. Галичский р-н, КО, 1987 г.], «подруга невесты выносит наряженную елочку, начинает ходить кругами и говорить» [Архив КГУ. Буйский р-н, КО, 1988 г.], *причитать причет* [РГАЛИ. Ф. 1455. Оп. 1. Д. 50. Л. 50. Костромская губ., 1925 г.], «<наговор> *поют подруги невесты, обращаясь к сватьям и жениху*» [Архив КГУ. Галичский р-н, КО, 1987 г.], произносить «громко, четко, речтативом» [Архив КГУ. Нейский р-н, КО, 1985 г.; Гвозникова, Шаповалова 1982, 269], «произносить *нараспев*» [Архив КГУ. Кологривский р-н, КО, 1987 г.].

В исследованиях также встречаются разные суждения об этой жанровой разновидности. В большинстве работ корреспонденты и публикаторы довольно четко определяют, что оперируют текстами, которые произносились девушками, подругами невесты. Отметим издания по обрядовому фольклору Сибири, в которых сибирские исследователи, комментируя два небольших приговорных фрагмента из Бейского р-на Хакасии, сопровождавших вынос елочки, делают предположение, что они являются «частью развернутого приговора, которым сваха (или близкая подруга) начинала обряд» прощания с «девьей красотой» [Обрядовые песни Сибири 1981, 39]; этот же фрагмент в более позднем издании характеризуется как «осколок забытого приговора дружки или свахи» [Свадебная поэзия Сибири 2002, 127]. Другой, записанный в Доволенском р-не

Новосибирской обл. текст, обладающий композиционными деталями, стилистикой приговоров девушек, составители идентифицируют как приговор дружки, отмечая, что в Бейском р-не Хакасии подобный, но отличающийся от доволенской записи объемом текст произносила подруга невесты, внося «девью красоту» (вершинку сосенки) для продажи [Свадебная поэзия Сибири 2002, 408].

Приведенные выше комментарии в какой-то мере указывают на возможные «источники» приговоров, произносимых девушками при выносе свадебного деревца, и их жанровую природу. На уровне содержания и образно-стилевой системы они обнаруживают близость к приговорам свадебных дружек, обрядовой лирике предвенечного цикла и причитаниям.

В приговорах на елочку выделяется довольно большой корпус формул, типизированных описаний, характерных для приговоров дружки. В частности, формульное описание свадебного стола («столы дубовые, скатерти браные, яства сахарные, питья медвяные»), которое, повторяясь в различных поэтических свадебных текстах, является своеобразным маркером готовящейся или свершившейся свадьбы, устойчивы мотивы «подготовки», «приглашения» и «сажания» за «столы дубовые»¹⁰; формульное описание даров, как правило, исполняющееся в приговорах разных чинов в качестве хвалебной характеристики персонажа, преимущественно невесты¹¹, ср.:

Приговор дружки

[Невеста] Тонко пряла,
Звонко ткала,
Бело белила,
На быстрой речке мыла,

Приговор девушки

[Молодая княгиня] А тонко пряла,
Звонко ткала,
В речке мочила,
На солнышке сушила,

¹⁰ В свадебных причитаниях «сажание невесты за столы дубовые», «подготовка столов» означает принципиальную договоренность представителей родов о свадьбе, поэтическая просьба невесты не пускать жениха «за столы белодубовы» — отменить свадьбу [РО ИРЛИ. Р. V. К. 12. П. 4. № 18. Л. 12 об.]. В свадебной лирике «пожелание девушки сестре за столы дубовы» расценивается как согласие на брак [РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 87. Л. 72], приглашение «сестре за столы дубовые» или «сидение за столами дубовыми» молодой пары — «оказание особой чести» (собственно, так и в приговорах приглашение или сажание за стол жениха или молодых).

¹¹ Попутно заметим, что в причитаниях «хитры дары» наделены негативной коннотацией: «бело не убеленные», «гладко не укатанные», они оказываются готовыми случайно и не предназначены для поезжан («... У меня хитры дары: / Не тонко прядены, / Да не бело убелены, / Не гладко укатаны, / Не вам были лажены, / Да вам пригодились, / Да до вас долежали...» [Аруев 1928, 8]).

*На сером камешке колотила,
На красном солнышке сушила,
По зеленому лужку волочила,
На дубовом столике катала,
В корбеечку клала,
Корбеечку запирала,
Ключи в карман убирала...*
[Шейн 1900, 440] (Устюжский у., Вологодская губ.).

*В каточки катала,
В коробочку клала,
Коленичком нажимала,
Про вас, молодой князь, припа[сала]*
[Архив КГУ. Красносельский р-н, КО, посл. треть XX в., паспортные данные не указаны].

— формула «проходки персонажа», отмеченная в записях приговоров многих локальных традиций России; широкое распространение и устойчивая форма позволили В. И. Далю выделить ее как поговорку с функцией — произносится при «потчевании на свадьбе» [Даль 1989. т. 2. 249], ср.:

Приговор дружки

*...У нас, у дружек,
Княжих служек,
Ноги с подходом,
Руки с подносом,
Сердце с покором,
Голова с поклоном...*
[Соколовы 1915, 351] (Белозерский у., Новгородская губ.).

Приговор девушки

*...У меня, у девицы,
Ноги с подходом,
Руки с подносом,
Голова с поклоном,
Язык с приговором*
(Зап. от Т. А. Смирновой, 1901 г.р., д. Калинки, Костромской р-н, КО. Соб. В. Славская, 1988 г.) [Архив КГУ].

— просьба дружки предоставить «дорожку» (т.е. проход) к невесте, находящейся в женской части избы, «за занавесой» vs просьба девушки дать проход из кутного угла (т.е. от невесты)¹² для выноса елки:

Приговор дружки

*...Расступитесь вы, расшатитесь
На две стороны!
Пропустите меня,
Передоезжего дружка,
С молодым подружьем,
От нашего кнезя
Молодого новобрачного,
В куть за занавесу,
Частую, перебранную,
За тонкую полотняную
До кнегини молодой новобрачной...*
[Ордин 1896, 100] (Сольвычегодский у., Вологодская губ.).

Приговор девушки

*...Раздайтесь, народ, расступитесь,
народ, красна девица идет, не одна она
идет, девью красоту несет, я по полу
иду, по тесовому иду, я ко столику под-
хожу ко дубовому...*
[ГАКО. Ф. 179. Оп. 3. Д. 24. Л. 16об. Ки-
нешемский у., Костромская губ., 1903 г.].

— тема уничтожения персонажа:

Приговор дружки

*...Поезжане у нас все ученые,
Я один, дружка, неученый,
Как топор не точеный.*

Приговор девушки

*...Конь-то и по четыре ноги
спотыкается,
А у меня, у девушки,*

¹² Действия девушек описываются публикаторами и собирателями: «Девью красу» выносит из куты девица, <...> выходит из куты и, еле-еле ступая, подходит к столу, наговаривая (приговор. — Ю. К.)» [Виноградов 1917, 86]; «В день сговора <...> одна из девиц, которая посмелее, выносит от куты, т.е. от печи, елочку, под названием «девья красота» <...> ставит елочку на стол, приговаривая» [ГАКО. Ф. 179. Оп. 3. Д. 24. Л. 13об. Костромской у., Костромская губ., 1903 г.].

*Нельзя ли меня поучить
Чем-нибудь полечить?*
(Зап. от Е. Е. Бобровой, 1915 г.р., д. Бошары, Мурашинский р-н, Кировская обл., 1990 г.) [СыктГУ. 1804–67]
*...Да как топор поточить,
Да потом язык помочить?*
(Зап. от У.П. Крюковой, 1921 г.р., д. Крысаново, Мурашинский р-н, Кировская обл., 1990 г.) [СыктГУ. 1814–6].

*При таком народе язык заплетается.
У нас вереечки не злаченые,
А мы девушки не ученые*
[Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 105. Л. 344об. Галичский у., Костромская губ., 1929 г.].

— близкая по тематике к предыдущей тема боязни сделать что-то неправильно:

Приговор дружки

*...Дайте нам дорожку ни широку и ни узку,
Чтобы на баимачки не ступить,
Сарафаны не изорвать,
Самим себя не пристыдить,
И вас не прибесчестить...*
[Свадебные приговоры 2009, 92] (Вилегодский р-н, Архангельская обл., 1996 г.).

Приговор девушки

*...А вы из кутя не смотрите,
Меня, красну девицу, не пристыдите.
Не подвихнулся бы каблучок,
Не упасть бы на бочок,
Не подпалить бы алых ленточек,
Да не разгневать (вар.: пристыдить) бы жениха и невесту...*
(Зап. от Е. С. Сиротиной, 1906 г.р., д. Хапово, Кологривский р-н, КО. Соб. Л. Шевелева. 1984 г.) [Архив КГУ].

— просьба «дать корм» коням (дружка) / птице (девушки):

Приговор дружки

*...Вынесите лошадам сенца.
Нет сенца — овсеца,
Нет овсеца — пшеницы,
Нет пшеницы — хоть голой ржаницы.
Наши кони на голую ржаницу поглядят,
Так и дальше побегат...*
(Зап. от П. В. Шаровой, 1912 г.р. (урож. д. Кансор, Вологодская обл.), д. Яхреньга, Подосиновский р-н, Кировская обл., 1988 г.) [АКФ МГУ. 16–5068].

Приговор девушки

*Некому птицу кормить!
Пожалуйте нам водицы,
А не водицы, так пшеницы,
Не пшеницы — овсеца,
А не овсеца, так серебреца!*
(Зап. от М. И. Кураниной, г.р. не указан, д. Григорьево, Сусанинский р-н, КО. Соб. Т. Н. Смирнова. Год записи не указан) [Архив КГУ].

— развитая в приговорах девушек тема требования выкупа елочки коррелирует с темой требования выкупа подарков, преподносимых женихом, которая реализуется в приговорах дружек, и многими другими.

С другой стороны, очевидна близость приговоров на елочку и причитаний. В приговорах устойчив мотив «ловли женихом уточки/лебедушки», детально разрабатываются мотивы «потери невестой красоты», «ухода девьей красоты от невесты», «неизбежности и неотвратимости предстоящих событий»:

Приговоры девушек

*...<девья красота> пошла не простилая,
на тебя рассердилась, посреди полуножкой топнула,
дверями шибко хлопнула,
пошла дивья красота в батюшко поле чистое,
во лужка во зеленые, привилась дивья красота ко сухому ко дереву.
Уж как этому дереву, не бывать ему зелено,
так и тебе милая подруженька,*

Причитания, обрядовая лирика

(пели на девичнике)
*<девья красота> ...Да она шла, не поклонилась,
Да верно крепко рассердилась.
Да свернула в праву сторону,
Да привилась к сухому дереву.
Да уж как этому ли дереву
Да не бывать два раза зелено,*

*не бывать в красных девишках, не ви-
дать диввей красоты...*
[Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 593.
Л. 255об.—256. Костромская губ.,
1917–1925 гг.].

*...Пошла дивья красота
В батюшко поле чистое,
На высокую межку,
Высокая межка ее не принимает,
Обратно посылает.
Что ж делать диввей красоте.
Пошла она во дремучий темный лес.
Привилась дивья красота
Ко еловому дереву,
Ко сухой ко сухарушке.
Что ведь этому дереву
Не бывать больше зелену.
И тебе, невеста,
В красных девишках,
Алы ленты не влетать
И с подружкам не гулять
(Зап. от Е. И. Климовой, 66 лет, д. Фе-
дяево, Антроповский р-н, КО. Соб.
С. В. Федотова. Год записи не указан.)
[Архив КГУ].*

*Да и тебе, наша подруженька,
Да задушевная голубушка,
Да не бывать два раза в девишках
[Лирика русской свадьбы 1973, 100. № 188]
(Любимовский р-н, Ярославская обл.).*

(причет невесты)
*...Вы поставьте мою красоту
На столы-то на дубовые,
Что на скатерти шелковые —
Уж и тут красе не местечко.
Полетела моя красота
Во луга-то в зеленые —
Уж и тут красе не местечко.
Полетела моя красота
Во зеленый сад на яблоньку —
Уж и тут красе не местечко.
Полетела моя красота
В чисто поле на былиночку,
А былинушка свалилася,
И моя краса лишилася
[Архив РАН. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 548.
Л. 15–15об. Ростовский у., Ярославская
губ., 1878 г.].*

— в приговорах и песенных жанрах близки по вербальной манифестации описания «жизнь девишки в девичестве» и описания, строящиеся на оппозиции «жизнь в девичестве — жизнь в замужестве»:

Приговоры девишек
<Невеста> *Жила да красовалася,
На нее люди любовались
И родители восхвалялися,
Серым хлебом не скучали,
Побольше белого покупали,
Чаем, кофием поили,
Сладким пряником кормили
(Зап. от Т. А. Смирновой, 1901 г.р.,
д. Калинки, Костромской р-н, КО. Соб.
В. Славская. 1988 г.) [Архив КГУ].*

*...Уж как бабья-то красота
На печи в углу валяется,
В портянки увивается, в лапти
обувается,
За водой собирается, идет, запинается,
Говорит — задыхается.
А девья-то красота моется,*

Причитания, обрядовая лирика
(причет невесты при расплетении косы
и после того, как коса расплетена)
*...Девья жира¹³ лебедина,
Девье прозвище да хорушо,
Девье прозваньище да дорогое.
Женска жира да не дородна,
Женско званье да не хорошее:
Нету ножечкам да ходу,
Белым ручушкам нету воли...
[Лирика русской свадьбы 1973, 225,
№ 469] (Карпогорский р-н, Архангель-
ская обл.).*

(причет невесте на девичнике)
*...У родимой-то у мамоньки,
У родимого-то у тятеньки
Не ленивая была, не сонливая.
На чужой-то дальней сторонушке
У чужой-то второй мамоньки
Будешь ленивая, будешь сонливая,*

¹³ Жигра — жизнь, существование <...> жизнь, условия существования <...> о хорошей при-
вольной жизни [СРНГ 1972. Вып. 9. С. 181].

намывается,
Гулять на улице собирается,
Через улицу идет как аленький цветочек
цветет...
[ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 85–86.
Костромской у., Костромская губ., до
1903 г.]

Застойчивая и заговорчивая,
Зубастая и щекастая
[Чердынская свадьба 1969, 23, № 12]
(Чердынский р-н, Пермская обл.,
1968 г.).

Обратим внимание на одну характерную деталь образа невесты — наличие у девушки алой ленты (алых ленточек). Для приговоров дружки она нехарактерна, но отметим единичный случай употребления этого сочетания в отношении невесты в пермских записях: у невесты «алые ленты», которые дружка просит «вывязать из трубчатой косы», «побросать», «потоптать в грязь», «сейчас подарить» [Аргентов 1940, 177, 178]¹⁴. Между тем и в приговорах на елочку, и в воспоминаниях информантов об обряде¹⁵ эта портретная деталь повторяется с завидной регулярностью. В частности, в описаниях елочки — «девьяй красоты»: у елочки «зеленые игопочки, алые ленточки, восковые свечечки, советские конфеточки» [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 251 об., Костромская губ., 1917–1925 гг.]; «золотые игопочки, алые ленточки, сладкие конфеточки» [Русская свадьба 2001, 295], та же обл., ««елочка» ...Алым ленточкам изувешана, / Крупным жемчугом изунизана, / Золотым перстням изуздвана, / Восковым свечам изуставлена» [Андроников 1905, 44; Виноградов 1917, 87], та же губ., ««белая березонька — «девьяй красота» горячими слезами заливається, алым ленточкам утирається» [ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 74. Л. 70; та же губ.] и др.

В причитаниях и текстах свадебной лирики, исполнение которых приурочено к довенечной части свадьбы, «алые ленты» являются устойчивой деталью «портрета» девушки-невесты. Так, девушка просит брата «заступить за дороги ленты алые» (причет перед отъездом к венцу [Лирика русской свадьбы 1973, 27, № 43],

Лешуконский р-н, Архангельская обл.), у нее «алая ленточка затрепана» [Там же, 31, № 51]; «приумята» [Там же, 225, № 467]; «ветерком-то повьдуло» [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985, 57, № 56]. Известен сюжет об игре «в шашки, в игры во турецкие, забавы молодецкие», где девушка проигрывает молодцу «со головушки — вольну волюшку, / Со русой косы алу ленточку» (предсвадебная неделя [Лирика русской свадьбы, 81, № 153], Шуньгский р-н Карелии); девушка проигрывает «трубчатую косу» со «дивьяй красотой» со «алой ленточкой», играя с добрым молодцем в карты [Чердынская свадьба 1969, 79, № 67] (Чердынский р-н, Пермская обл.), сюжет «девушка видит нехороший сон», в котором «девушка видит нехороший сон», в котором «расплеталась у ней коса русая, // Выпадала у ней лента алая» [Обрядовая поэзия 1997, 243, № 348]. В песнях и причитаниях, приуроченных к девичнику и утру свадебного дня, невеста сетует, что алые ленточки «оборвала сваха» [Лирика русской свадьбы, 101, № 193] (Любимовский р-н, Ярославская обл.), «сповынула крестна матушка» [Там же, 224, № 463] (Усть-Цильма), алая лента «выпала из русой косы» [Там же, 102, 103, № 196] (Нарьян-Марский р-н, Архангельская обл.), «осталась недоношена» [Там же, 126, № 246] (Воротынский р-н, Горьковская обл.). Обращается к подруге: «Уж влети мне алу да ленточку, / Уж перечеши меня по-старому да по-прежнему» [Там же, 226, № 471]. Распространен мотив неизбежности предстоящего замужества, например: «Линейте алыё вы лентоцьки, // Во моей да русой косыньке! // Вам не долго томить, покрасоватися // Во моей-то

¹⁴ Поэтические «требования» «побросать» (вар.: потоптать, подарить) алы ленточки» отсылают к описаниям обряда: выплетенные ленты невеста дарит своим подругам, например: [ИЯЛИ: ВФ 1528–23, Прилузский р-н РК, 2004], после исполнения на девичнике причитания, сопровождавшего расплетение косы, невеста хлестала выплетенными лентами подруг [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985, 152; Вологодская обл.].

¹⁵ Например: «[В день венчания] подруги собирают невесту к венцу. Надевают белое платье, вплетают в косу алую ленту, голову покрывают вуалью...» (Зап. от А. М. Горбуновой, 1894 г. р., д. Димитково, Красносельский р-н, КО. Соб. Н. Цветкова. 1980 г.) [Архив КГУ] и др.

русой косынке...» [ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 31. Вологодская губ., 1920 г.] и др. Собственно, многие из перечисленных мотивов реализуются в приговорах девушек на елочку. Очевидно, что в песенных и речитативных жанрах свадьбы «алые ленты» являются одной из символических примет девичества¹⁶, предполагаем, что появилось это сочетание в текстах приговоров именно из причитаний и обрядовой лирики.

Таким образом, обрядовая лирика и свадебные причитания оказали влияние на формирование образно-стилевой системы жанра приговоров. Приговоры девушек на елочку, имеющие локальное распространение, представляют собой

любопытную комбинацию приговоров дружки, песенного обрядового фольклора и причитаний. Открытым остается вопрос: почему эта разновидность появилась и получила развитие на довольно ограниченной территории? С осторожностью позволим себе предположить, что развитие приговоров на елочку могло быть обусловлено объективными причинами развития обряда, в частности, модификацией или угасанием причетной традиции и как следствие необходимостью «восполнить» появившуюся лакуну в той части художественного аккомпанемента, который сопровождал один из кульминационных актов ритуала — прощание невесты с «девьей красотой».

Литература

Андроников 1905 — Андроников В. А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы: (Из трудов Тверского областного археологического съезда). Тверь, 1905.

Аргентов 1940 — Аргентов Г. Наговоры дружки // Уральский современник: Литературно-художественный альманах. Свердловск, 1940. № 3. С. 176–178.

Аруев 1928 — Аруев Н. Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвыгодска // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Вып. V. Великий Устюг, 1928.

Балашов, Марченко, Калмыкова 1985 — Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985.

Виноградов 1917 — Виноградов Н. Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. 1917. Вып. 8. С. 71–152.

Гвоздикова, Шаповалова 1982 — Гвоздикова Л. С., Шаповалова Г. Г. «Девья красота» (картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской и Костромской областей) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 264–278.

Даль 1989 — Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1989.

Даль 1995 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995.

Иваницкий 1960 — Песни, сказки, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

Колесницкая, Телегина 1977 — Колесницкая И. М., Телегина Л. М. Коса и красота в свадеб-

¹⁶ Относительно алого любопытно указание Вл. И. Даля, отмечавшего эмоционально-оценочное значение этого цветообозначения: *алый* употребляется в отношении предметов и цвета «приятных», «почему и милого друга зовут аленьким дружком» [Даль 1995, т. 1, 12]. В фольклорных текстах, в частности, в любовной лирике, песенно-игровом фольклоре, частушках, в «портретных» изображениях возлюбленного/-ой присутствуют детали одежды алого цвета («алые ленты», «ало платье», «алый кушак» и др.); в текстах *алый* встречается в составе наименований и обращений со значением «милый, любимый, приятный, желанный», например, устойчиво сравнение или называние возлюбленного/-ой «аленьким цветочком» (вар.: «алый цвет»), которое в ряде случаев дублируется эпитетом *милый*, например, [девичья частушка]: «...Мне сказали про милого, // Что худой да маленькой; // Посмотрела я в окошко — // Как цветочек аленькой» [Иваницкий 1960, 31, № 142], [«парнячья» частушка]: «В синем морюшке качается // Кораблик маленькой. // Я уеду, ты останешься, // Цветочек аленькой» (Зап. от Н. П. Тропниковой, 1932 г.р., д. Фоминская, Вилегодский р-н, Архангельская обл. Соб. Ю. А. Крашенинникова, 2004 г.) [ИЯЛИ: ВФ 1714–48], «...красна девка, алый цвет, // Скажи, любишь или нет?» [Лирика русской свадьбы 1973, 46, № 86] и др.; в поговорках «на аленький цветочек лишняя пчелка сядет» (Зап. от Т. А. Невониной, 1910 г.р., КО, 2004 г. [Архив КГУ]), «алый цвет мил во весь свет» [Словарь 1975, вып. 1, 33]. Необходимо сказать и о втором компоненте выражения «алый цвет»: С. М. Толстая отмечает широкое употребление слов с корнями *kras- и *květ- в эмоциональных номинациях и обращениях со значением «милый, дорогой» [Толстая 2008, 131].

ном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними преданиями и обрядами. Л., 1977. С. 112–122.

Крашенинникова 2009 — *Крашенинникова Ю. А.* Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов (свадебные приговоры — заговоры) // Традиционная культура. 2009. № 1. С. 29–39.

Крашенинникова 2010 — *Крашенинникова Ю. А.* Свадебные приговоры среди фольклорных и литературных жанров (к вопросу о межжанровом взаимодействии) // От конгресса к конгрессу: Матер. Второго Всерос. конгр. фольклористов: Сб. докл. Т. 1. М., 2010. С. 195–208.

Крашенинникова 2011 — *Крашенинникова Ю. А.* Свадебные приговоры в свете народной терминологии // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 70–80.

Крашенинникова 2013 — *Крашенинникова Ю. А.* Литературные и лубочные произведения в текстах русского свадебного обряда // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. М., 2013. С. 247–260.

Крашенинникова 2014 — *Крашенинникова Ю. А.* «Адская газета» в русских свадебных приговорах // *Rosja w dialogu kultur*, red. В. Ёжмо, Т. 2: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikofaja Kopernika, Toruń, 2014. S. 455–466.

Кузнецова 1993 — *Кузнецова В. П.* Причитания в севернорусском свадебном обряде. Петрозаводск, 1993.

Левинтон 1991 — *Левинтон Г. А.* Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 210–234.

Лирика русской свадьбы 1973 — Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпаковой. Л., 1973.

Магницкий 1877 — *Магницкий В.* Песни крестьян с Беловожского Чебоксарского у. Казанской губ. Казань, 1877.

Мыльникова, Цинциус 1928 — *Мыльникова К., Цинциус В.* Северно-Великорусская свадьба // Матер. по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1928. С. 17–171.

Нижегородская свадьба 1998 — Нижегородская свадьба. Пушкинские места. Нижегородское Поволжье. Ветлужский край. Обряды, причитания, песни, приговоры / Изд. Подгот. М. А. Лобанов, К. Е. Корепова, А. Ф. Некрылова. СПб., 1998.

Никифорова 1997 — *Никифорова О. В.* Диалектная свадебная лексика в Нижегородской области: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. Т. 1.

Обрядовая поэзия 1997 — Обрядовая поэзия. Кн. 2: Семейно-бытовой фольклор / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. М., 1997.

Обрядовые песни Сибири 1981 — Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / Сост. Р. П. Потанина. Новосибирск, 1981.

Ордин 1896 — *Ордин Н. Г.* Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. 1896. Вып. 1. С. 51–121.

Орехов 1913 — *Орехов Г.* Свадебные обряды, обычаи и песни в Холмском уезде Псковской губ. // Живая старина. 1913. Вып. 3–4. С. 305–317.

Путилов 2003 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003.

Русская свадьба 2001 — Русская свадьба: В 2 т. Т. 2. / Сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. М., 2001.

Самоделова 2009 — *Самоделова Е. А.* Елочка в рязанской свадьбе // Традиционная культура. 2009. № 3. С. 26–32.

Свадебная поэзия Сибири 2002 — Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / Сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова. Новосибирск, 2002.

Свадебные приговоры 2009 — Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции XX в. (исследование и тексты) / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар, 2009.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–26. Л.: Наука, 1968–1991; Вып. 27–43. СПб., 1992–2010.

Словарь 1975 — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Отв. ред. С. Г. Бархударов. М., 1975.

Соколовы 1915 — Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Толстая 2008 — *Толстая С. М.* Семантический параллелизм *kras- и *květ- // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 121–134.

Чердынская свадьба 1969 — Чердынская свадьба / Зап. и сост. И. Зырянов. Пермь, 1969.

Шейн 1900 — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах: Матер, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1900. С. 345–835.

Ярославские зарницы 1910 — *Ог. Н.* Свадебные обычаи Поше[хонского] уезда // Ярославские зарницы. 1910. № 24. С. 3.

Сокращения

АА — Архив автора

АКФ МГУ — архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Архив ВГИАХМЗ — Архив Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Архив ГЛМ — Фольклорный архив Государственного литературного музея

Архив КГУ — Архив фольклорно-краеведческой лаборатории Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова

Архив РАН — Архив Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал

Архив РЭМ — Архив Российского этнографического музея

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

ГАКО — Государственный архив Костромской области

ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

ИЯЛИ — Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; АФ — аудиофонд, ВФ — видеофонд

КО — Костромская область

НА Коми НЦ — Научный архив Коми научного центра УрО РАН

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РК — Республика Коми

РО ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, рукописный отдел

РО РНБ — Российская национальная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел

СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, заведующая сектором фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН: Российская Федерация, 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; тел.: +7 (8212) 20-17-02; e-mail: krasheninnikova@rambler.ru

ABOUT CASES AND MECHANISMS OF GENRE INTERACTION IN WEDDING CEREMONY TEXTS (ON MATERIAL OF MAIDENS' SPEECHES ADDRESSING "WEDDING TREE")

YULIA KRASHENINNIKOVA

(Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center, Uralic Division,
Russian Academy of Science: 26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Komi Republic,
167982, Russian Federation)

Summary. *Observation of rhymes, otherwise speeches of participants of a wedding ceremony (groomsmen, maidens, matchmakers, guests and other) allows to assume this genre during its development to assimilate poetic inventory, motives, structural and stylistic features of other folklore genres and literary works. Comparison of wedding speeches with many genres (not only those belonging to wedding ceremony) demonstrates inclusion of fragments of folklore and literary texts into the speeches of wedding participants, identical motives preserving their semantics and, in some cases, entire verbal manifestation, using same poetic inventory — typical elements of language and style. Dealing with broad contextual material the author considers speeches addressed to "wedding tree", which were articulated by girls at bride's house during carrying out and redemption of "maiden's beauty". For the wedding tree, symbolizing the «maiden's beauty», there was used a fir-tree (a spruce) or alternatively a birch, decorated by flowers, tinsel, sweets, candles, fabric scraps, beads, sometimes with a puppet on the top of tree.*

This kind of wedding speeches has a limited geographical distribution, the main body of texts is recorded in the Kostroma province in 19th — early 21th century; a few sporadic records are noted in several regions of Nizhny Novgorod province and in Siberia. The textual analysis of this group of texts shows active use of stylistic repertoire of groomsmen's rhymes, wedding laments and ceremonial lyrics. Supervision of the poetics of girls' speeches addressed "to fir-tree" allows to elicit mechanisms of assimilation and adaptation of certain structural and stylistic inventory by this genre and to assume reasons of cross-genre interaction.

Key words: *Russian wedding, wedding genres, speeches of girls addressing "wedding tree", laments, ceremonial lyrics.*

References

- Andronikov V. A.** (1905) Svadebnye prichitaniya Kostromskogo kraja so storony sodержaniya i formy (Iz trudov Tverskogo oblastnogo arkheologicheskogo s'ezda) [Wedding Laments of Kostroma Province from the Side of Content and Form (From the Works of the Tver' Regional Archaeological Convention)]. Tver'. In Russian.
- Argentov G.** (1940) Nagovory družki [Groomsman's Rhymes]. *Ural'skiy sovremennik: Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh* [Uralic Contemporary: The Literature and Art Almanac]. Sverdlovsk, 1940. No. 3. Pp. 176–178. In Russian.
- Aruev N.** (1928) Krest'yanskie svad'by v dorevolutsionnoe vremya okolo gor. Sol'vychevodsk [Peasant Weddings at the Pre-revolutionary Time near Sol'vychevodsk the Town]. *Zapiski Severo-Dvinskogo obshchestva izucheniya mestnogo kraja* [Proceedings of the Northern Dvina Society for Studies of the Local Province]. Issue V. Velikiy Ustyug. In Russian.
- Balashov D. M., Marchenko Yu. I., Kalmykova N. I.** (1985) Russkaya svad'ba. Svadebnyy obryad na Verkhney i Sredney Kokshen'ge i na Uftyuge (Tarnogskiy rayon Vologodskoy oblasti) [Russian Wedding. Wedding Ceremony at the Upper and Middle Kokshen'ga and at the Uftyuga <Rivers' Basin> (Tarnoga District of Vologda Province)]. Moscow. In Russian.
- Cherdynskaya svad'ba (1969). [Cherdyn' Wedding]. Coll. and comp. by Zyryanov I. . Perm'. In Russian.
- Gvozdikova L. S., Shapovalova G. G.** (1982) «Dev'ya krasota» (kartografirovaniye svadebnogo obryada na materialakh Kalininskoy, Yaroslavskoy i Kostromskoy oblastey) [The Maiden's Beauty (Mapping of the Wedding Ritual on the Material of Kalinin, Yaroslavl' and Kostroma Provinces)]. *Obryady i obryadovyy fol'klor* [Rituals and Ritual Folklore]. Moscow. Pp. 264–278. In Russian.
- Dahl' V. I.** (1989) Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian People]. In 2 vol. Moscow. In Russian.
- Dahl' V. I.** (1995) Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Alive Great-Russian Language]. In 4 vol. Moscow. In Russian.
- Kolesnitskaya I. M., Telegina L. M.** (1977) Kosa i krasota v svadebnom fol'klоре vostochnykh slavyan [A Plait and the Beauty in the Wedding Folklore of the Eastern Slavs]. *Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami* [Folklore and Ethnography. Folklore's Connections with Ancient Concepts and Rituals]. Leningrad. Pp. 112–122. In Russian.
- Krasheninnikova Yu. A.** (2009) Mezhhzhanrovye svyazi v mifopoeticheskom sodержanii fol'klornykh tekstov (svadebnye prigovory — zagovory) [Cross-Genre Connections in Mythic-Poetical Content of Folklore Texts (Wedding Rhymes and Incantations)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2009. No. 1. Pp. 29–39. In Russian.
- Krasheninnikova Yu. A.** (2010) Svadebnye prigovory sredi fol'klornykh i literaturnykh zhanrov (k voprosu o mezhhzhanrovom vzaimodeystvii) [Wedding Rhymes among Genres of Folklore and Literature (to the Question of Genre Interaction)]. *Ot Kongressa k Kongressu. Materialy Vtorogo Vserossiyskogo kongressa fol'kloristov: Sb. dokladov* [From Congress to Congress. Material of the Second All-Russian Congress of Folklore Researchers: Collected Papers]. Vol. 1. Moscow. Pp. 195–208. In Russian.
- Krasheninnikova Yu. A.** (2011) Svadebnye prigovory v svete narodnoy terminologii [Wedding Rhymes in the Light of Folk Terminology]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2011. No. 3. Pp. 70–80. In Russian.
- Krasheninnikova Yu. A.** (2013) Literaturnye i lubochnye proizvedeniya v tekstakh russkogo svadebnogo obryada [Literature Creations and «Lubok»-Cheep Popular Prints in the Texts of Russian Wedding Ritual]. *Ustnoe i knizhnoe v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii* [Oral and Literal in Slavic and Jewish Cultural Tradition]. Moscow. Pp. 247–260. In Russian.
- Krasheninnikova Yu. A.** (2014) «Adskaya gazeta» v russkikh svadebnykh prigovorakh [The «Infernal Newspaper» in Russian Wedding Rhymes]. *Rosja w dialogu kultur* [Russia in the Dialogue of Cultures]. Ed by Żejmo B. Vol. 2. Toruń. Pp. 455–466. In Polish.
- Kuznetsova V. P.** (1993) Prichitaniya v severnorusskom svadebnom obryade [Laments in the Northern-Russian Wedding Ritual]. Petrozavodsk. In Russian.
- Levinton G. A.** (1991) Muzhskoy i zhenskoy tekst v svadebnom obryade (svad'ba kak dialog) [Male and Female Texts in Wedding Ritual (Wedding as a Dialogue)]. *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic Stereotypes of Male and Female Behavior]. St. Petersburg. Pp. 210–234. In Russian.
- Kolpakova N. P.** (ed) (1973) Lirika russkoy svad'by [Lyrics of the Russian Wedding]. Leningrad. In Russian.
- Magnitskiy V.** (1877) Pesni krest'yan s Belovozhskogo Cheboksarskogo u. Kazanskoy gub. [Songs among Peasants of Belovozhskoe the Village of Cheboksary County of Kazan' Province]. Kazan. In Russian.
- Mylnikova K., Tsintsius V.** (1928) Severno-Velikoruskaya svad'ba [Northern Great-Russian Wedding]. *Materialy po svad'be i semejno-rodovomu stroyu narodov SSSR* [Materials about Wedding and Family-Patronymic Structure among Peoples of the Soviet Union]. Leningrad. Pp. 17–171. In Russian.
- Nikiforova, O. V.** (1997) Dialektnaya svadebnaya leksika v Nizhegorodskoy oblasti. Dis. ... kand. filol. nauk [Dialect Lexis of the Wedding in Nizhniy Novgorod Province. PhD Thesis (Philology)]. Moscow. In Russian.

Nizhegorodskaya svad'ba. Pushkinskie mesta. Nizhegorodskoe Povolzh'e. Vetluzhskiy kray. Obryady, prichitaniya, pesni, prigovory [Nizhniy Novgorod Wedding. Pushkin Localities. Nizhni Novgorod Province along Volga the River. Vetluga Region. Rituals, Laments, Songs, Rhymes]. Ed. by M. A. Lobanov, K. E. Korepova, A. F. Nekrylova. St. Petersburg. In Russian.

Obryadovye pesni russkoy svad'by Sibiri. (1981) [Ritual Songs of the Russian Wedding in Siberia]. Comp. by Potanina R. P. Novosibirsk. In Russian.

Og, N. (1910) Svadebnye obychai Poshe [khonskogo] uезда [Wedding Customs of Poshekhno'ye County]. *Yaroslavskie zarnitsy* [Yaroslav] Wildfires]. 1910. No. 24. P. 3. In Russian.

Ordin N. G. (1896) Svad'ba v podgorodnikh volostyakh Sol'vychegodskogo uезда [Wedding in Suburban Districts of Sol'vychegodsk County]. *Zhivaya starina* [Alive Antiquity]. 1896. Issue 1. St. Petersburg. Pp. 51–121. In Russian.

Orekhov G. (1913) Svadebnye obryady, obychai i pesni v Kholmokom uезде Pskovskoy gub. [Wedding Rituals, Customs and Songs of Kholm County of Pskov Province]. *Zhivaya starina* [Alive Antiquity]. 1913. Issue 3–4. St. Petersburg. Pp. 305–317. In Russian.

Pesni, skazki, poslovitsy, pogovorki i zagadki, sobrannye N. A. Ivanitskim v Vologodskoy gubernii (1960) [Songs, Folk-Tales, Proverbs, Sayings and Riddles, Collected by N. A. Ivanitskiy from Vologda Province]. Texts ed., preface and comments by N. V. Novikov. Vologda, 1960. In Russian.

Putilov B. N. (2003). Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and Folk Culture]. In memoriam. St. Petersburg. In Russian.

Russkaya svad'ba (2001) [Russian Wedding]. In 2 vol. Compiled by A. V. Kulagina, A. N. Ivanov. Vol. 2. Moscow. In Russian.

Russkiy semeyno-obryadovyy fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka: Svadebnaya poeziya. Pokhoronnaya prichet' (2002) [Russian Family-circle Ritual Folklore of Siberia and the Russian Far East: Wedding Poetry. Funeral Lament.]. Comp. by R. P. Potanina, N. V. Leonova, L. E. Fetisova. Novosibirsk. In Russian.

Samodelova E. A. (2009) Elochka v ryazanskoy svad'be [The Spruce in the Ryazan» Wed-

ding]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2009. No. 3. Pp. 26–32. In Russian.

Semeyno-bytovoy fol'klor (1997) [Folklore of Family Circle and Everyday Life]. *Obryadovaya poeziya* [Ritual Poetry]. Book 2. Comp., ed. and commented by Yu. G. Kruglov. Moscow. In Russian.

Skazki i pesni Belozerskogo kraja (1915) [Folk-Tales and Songs of the Belozere Region]. Recorded by B. and Yu. Sokolov. Moscow. In Russian.

Slovar' russkikh narodnykh govorov (1968—) [Dictionary of Russian Folk Dialects] Issue 1–26. Leningrad, 1968–1991; Issue 27–43. St. Petersburg, 1992–2010.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (1975) [Dictionary of Russian Language of the 11th — 17th Centuries]. Ed. by S. G. Barkhudarov. Moscow. In Russian.

Svadebnye prigovory Vilegodskogo rayona Arkhangel'skoy oblasti v rukopisnoy i ustnoy traditsii XX v. (issledovanie i teksty) (2009) [Wedding Rhymes of Vilegodsk District of Archangel'sk Province in Manuscript and Oral Traditions of the 20th Century (Studies and Texts)]. Comp., preface and comments by Yu. A. Krashennnikova. Syktyvkar. In Russian.

Tolstaya S. M. (2008) Semanticheskiy parallelizm *kras- i *kvët- [Semantic Parallelism between *kras- and *kvët-]. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchslavyanskoy perspective* [Space of the Word. Lexical Semantics from All-Slavic Perspective]. Moscow. Pp. 121–134. In Russian.

Velikoruss v svoikh pesnyakh, obryadakh, obyчайakh, skazkakh, legendakh: Materialy, sobrannye i privedennye v porядok P. V. Sheynom (1900) [The Great-Russian in his own Songs, Rituals, Customs, Folk-Tales and Legends. Materials, collected and arranged by P. V. Sheyn]. Vol. 1. Issue 2. St. Petersburg. Pp. 345–835. In Russian.

Vinogradov N. N. (1917) Narodnaya svad'ba v Kostromskom uезде [Folk Wedding at Kostroma County]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraya* [Works of the Kostroma Scholarly Society for Studies of the Local Region]. Issue 8. Pp. 71–152. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: krashennnikova@rambler.ru

Tel.: +7 (8212) 20-17-02

26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation

PhD (Philology), head of folklore department, Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center, Uralic Division, Russian Academy of Science